

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- С. А. АНТИПИН** профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук
- С. Б. БАЙЗАКОВ** научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ** профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ** доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- Г. В. КОЛОДКО** вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА** руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор
- Гж. МАЛИНОВСКИ** доцент Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ** директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН** профессор кафедры экономической теории Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Э. Э. ПОЛЕТАЕВ** президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан)
- Е. С. САДОВАЯ** заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Г. Ф. ФЕЙГИН** профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- В. Б. ФРАЙМОВИЧ** профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
- М. М. ХАЙКИН** заведующий кафедрой экономической теории Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор экономических наук, профессор
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО** профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- ЧЖАН ДЮНЬ ЮН** заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шицзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, студенты! Мы начинаем нашу дискуссию. Позвольте представить наших гостей, которые будут руководить работой этой секции. Это профессора Гжегож Колодко из Польши и Джеймс Кеннет Гэлбрейт из Соединенных Штатов Америки. Слово предоставляется господину Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Я считаю, что современная глобализация неизбежна и она будет продолжаться

в будущем, хотим мы этого или нет. Нам надо ответить на вопрос, что такое глобализация с экономической точки зрения, потому что этот процесс происходит и в политике, и в сфере безопасности, и в культуре, а также в других отраслях. В экономическом смысле исторически это более длительный процесс — это либерализация и интеграция работающих рынков капитала, товаров, рабочей силы в один всемирный, а потому глобальный рынок. В первую очередь надо ответить на вопрос: почему она неизбежна? Я думаю, пре-

жде всего потому, что так развивается технологический прогресс, работают новые технологии, функционируют современные финансовые рынки. Сейчас происходит свободный обмен деньгами, перемещение капиталов. Сложился один всемирный, глобальный рынок финансов, но в то же время существуют проблемы, которые нам принес последний сначала американский, а потом мировой финансово-экономический кризис.

Второй вопрос, на который нам надо ответить: глобализация — хороший процесс или нет, нам надо выступать за глобализацию или против? Я считаю, что с точки зрения России, Европы, других стран и регионов мира на глобализацию надо смотреть как на вызов, который дает нам новые шансы и в то же время несет новые риски. И поэтому надо, чтобы и у России, и у Соединенных Штатов, и у стран Европейского Союза, и у других государств мира была своя национальная стратегия социального и экономического развития. Глобализация — это объективный процесс, но это не значит, что нам не нужны стратегии для России, Польши, для Европейского Союза, для стран Азии или Америки, потому что существуют разные интересы, это своего рода игра интересов. Эти стратегии должны строиться на основе экономической науки, поэтому нам нужны квалифицированные экономисты, которые знают, что делать и как надо вести экономическую политику, чтобы достичь успеха.

Когда я был министром финансов Польши (1994–1997), нас называли «тиграми Европы», потому что мы принимали участие в организации экономического посредничества и развития и темп экономического роста, то есть ВВП, достигал более 7 % в год. Мы не вышли из процесса глобализации, наоборот, использовали его для развития национальной экономики. В том смысле, что мы использовали новые шансы и возможности, но в то же время развивали политический менеджмент. Дело в том, хороша или плоха глобализация, например, для Казахстана, Канады, Бразилии, Украины, зависит от того, как там претворяется в жизнь стратегия экономического развития в смысле максимального использования шансов и минимизации рисков, чтобы издержки от этого процесса были минимальными. Поэтому, я думаю, мы успели сделать больше, чем, скажем, Украина, а Китай — больше, чем мы, потому что там была стратегия социально-экономического развития.

Россия вовремя не вошла в процесс глобализации. Но нельзя сказать, что из-за этого нет успехов. Успехов может не быть прежде всего потому, что экономические политики и стратеги не знают, как использовать неизбежную глобализацию для развития национальной экономики. И с этой точки зрения, я думаю, надо смотреть в будущее, двигаться вперед. Нет пути назад. Надо понять, как использовать неизбежную глобализацию для развития народной экономики. Но не в сторону неолиберального капитализма, потому что у него нет будущего, а в сторону социально-рыночной экономики. Что может дать советская социально-рыночная экономика, это большой вопрос для экономических наук прежде всего здесь, в России, и в других странах тоже. Известный российский экономист академик

А. Д. Некипелов написал много трудов об экономических институтах.

Я бы сказал, что сейчас самый главный вопрос, касающийся будущего мировой экономики, — это вопрос о том, как построить институты мировой экономики. В нашей жизни появилась мировая экономика, но нет единой мировой стратегии и политики, потому что не хватает институтов в области права. Можно обратиться к опыту Европейского Союза, но и там существует много проблем. А что касается всего мира, то мы никак не можем определиться, как действовать — или в рамках ООН, или задействовать другие организации, которые работают иначе. У нас есть G20, хотя на самом деле это не G20, а G43, потому что там принимают участие 19 государств и Европейский Союз. В состав «Большой двадцатки» входят четыре крупнейшие страны Европейского Союза — Великобритания, Германия, Франция, Италия. Всего в Европейский Союз входят 28 стран, включая Польшу и другие постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы. Так что получается, что фактически в G20 входят 15 государств со всего мира и 28 — из Евросоюза, всего — 43. А 43 страны мира — это 85 % мирового производства, более 80 % населения земли, а нас уже 7,3 млрд. G20 пытается координировать политику, но ей не хватает институциональной основы, структуры, стратегии для развития мировой экономики во время неизбежной глобализации.

Но какая самая главная проблема будущего, касающегося экономических вопросов? Я бы сказал, что это реинституционализация мировой экономики, как нам смотреть в будущее, чтобы двигаться вперед через регулирование торговли, совместную работу. Там мы найдем решение этой проблемы. Но проблем нам будет хватать всегда, потому что есть очень много нерешенных неэкономических вопросов, в том числе и в Польше, которая в свое время считалась успешной страной, но не избежала провалов. Думаю, правильный ответ на вопрос, что делать, — прежде всего думать, потом еще раз думать, а потом уже делать.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Господин Колодко, у меня два небольших вопроса. Первый вопрос. Вы упомянули реинституционализацию как серьезную проблему современной глобальной экономики. Может быть, Вы со мной не согласитесь, но я считаю, у G20 сегодня есть три глобальных уровня — ВТО, МВФ, Всемирный банк. Есть региональные уровни — Европейский Союз, национальные экономики. Мне кажется, что пока взаимодействие между ними хаотичное, его надо как-то систематизировать. Видите ли Вы какие-то конкретные решения во взаимодействии этих уровней? И второй вопрос. Вы сказали, что будущее — за социальной рыночной экономикой. Но сегодня глобализирующийся мир — это глобальная конкуренция, причем очень большое давление оказывается сегодня на страны с социально-рыночной экономикой, такие как Германия, Швеция, чтобы они, наоборот, сокращали социальные программы, в большинстве своем неконкурентоспособные. Как Вы считаете, как эти тенденции между собой сочетаются?

Г. В. КОЛОДКО: — Есть проблемы мировые, а есть региональные. Например, что касается изменений климата, то это всеобщая проблема. Ее надо решать в рамках глобальных процессов. Определенные успехи в этом вопросе были достигнуты на Конференции ООН по изменению климата, проходившей в Париже в 2015 году, в которой приняли участие 193 страны. У нас есть, например, европейские проблемы. Одна из них особенно обострилась в последнее время. Нас, жителей Европы, более чем 500 млн. К нам прибыл всего лишь 1 млн мигрантов, что составляет 0,2 % от 500 млн. И мы не знаем, как эту проблему решить, а решать ее надо в рамках Европы. Экономические консультанты говорят, что сделать это можно, распределив по несколько тысяч в разные страны. Но многие государства, к сожалению, в том числе Польша, отказываются принимать мигрантов, потому что они из другой культуры и т. д.

Эта проблема, с одной стороны, национальная, локальная, региональная, в частности европейская, а с другой — всемирная гуманитарная, что делать с этими людьми. В современном мире сейчас насчитывается 40 млн беженцев. У нас в России они тоже есть, и здесь возникают конфликты, корреляция и диалектика. Можно сказать, что в Москве или Питере с диалектической точки зрения есть диалектика конфликтов и пересечения интересов. Дело в том, что это проблема не только с экономической, но и, я бы сказал, с философской точки зрения. Какой общий интерес ваш и наш, а какой отдельно русский и польский? Какой общий интерес человечества, а какой отдельно европейский, азиатский или американский? На базе этих вопросов возникают конфликты интересов, но есть экономический ответ, как добиться положительных результатов при разрешении этих конфликтов. А что касается мировой экономики, то у меня есть книги «Куда идет мир», «25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматичному росту», в которых я говорю о том, что будущее мира, Европы, Европейского Союза и России надо рассматривать на основании нового прагматизма, а не экономики неолиберализма.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется господину Джеймсу Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Тема сегодняшней дискуссии касается развития национальных экономик в условиях глобализации. Вчера ректор А. С. Запесоцкий затронул очень интересный вопрос: возможно ли, что развитие национальных экономик идет к какому-то гомогенному состоянию, и все экономики будут похожи друг на друга. Скорее всего, этого не произойдет, потому что возникнет определенная иерархия или пирамида, где будут доминировать ведущие страны. Остальные займут так или иначе подчиненную роль. Ситуация сложится неминимумо таким образом, что произойдет разделение на центр и периферию. И это будет определяться наличием ресурсов, технологий, финансов заинтересованных в этом стран. Существуют критерии, определяющие возможность осуществления контроля над остальными странами. Одним из них является наличие

вооруженных сил и военной силы, которая определяет доминирование одних стран над другими. По крайней мере, они так хотят, но в настоящее время вопросы обороны, стратегии, которые ставятся во главу угла, не играют решающую роль. Скорее всего, на это претендуют весьма недалекие люди.

Я возвращаюсь к триаде — ресурсы, технологии и финансы. Этот вопрос поднимался вчера нашим коллегой из Ирана, который утверждал, что в настоящее время процесс глобализации в значительной степени определяется взглядом на него Соединенных Штатов Америки. Я хочу поговорить об этом и сравнить мировой порядок, который существовал раньше, с тем, какой установился сейчас. Если мы посмотрим на мир, возникший после Второй мировой войны, то, естественно, он определялся двуполярной системой. Существовали инструменты стабилизации этого двуполярного мира. Это, с одной стороны, Организация Объединенных Наций, а с другой — Международный валютный фонд. И была распространена точка зрения, что в таких условиях торговые и финансовые отношения будут сбалансированы во всем мире. Но в 1970-х годах оказалось, что надежды не оправдывают себя. Если до этого Соединенные Штаты являлись крупнейшим производителем энергоресурсов, то в 1970-х они попали в зависимость от нефтяных стран. И если к этому добавить восстановление экономик Европы и Японии, то это привело к определенной дестабилизации всей финансовой системы. После 1980 года центр финансовой системы стал определяться положением американского доллара. Это дало Соединенным Штатам Америки огромное преимущество по сравнению с другими странами. Американская долларовая система стала неким приютом, укрытием, куда страны обращались в ситуации нестабильного мира.

Параллельно с этим шло бурное развитие технологий, которые можно определить двумя гранями. Одна — виртуальная, другая — физическая. Виртуальная — это, понятно, компьютер, информационные технологии. К физической относят в первую очередь транспорт и центры авиационных перевозок. Обе эти грани способствовали превращению мира в нечто единое. И это все так или иначе было связано с военным сектором Соединенных Штатов. Нельзя не признать, что развитие технологий происходило в первую очередь в оборонном секторе, который создавал в годы холодной войны и авиационную промышленность, и компьютерные технологии. И этим в какой-то момент смогли воспользоваться коммерческие компании. Впоследствии это сповоцировало возникновение неравенства. Куда бы вы ни взглянули, гражданское общество любой страны требует, чтобы эта концентрация могущества в одном центре была уничтожена, такое несбалансированное положение изменилось. Все страны в той или иной степени хотят, чтобы установились равновесие и благополучие.

Возникает вопрос, что национальные экономики могут противопоставить сложившемуся централизованному положению. И ответ находится в трех измерениях. Первое — это ресурсы. Суверенные государства осуществляют контроль над минеральными ресурсами

на своей территории и т. д. В какой-то степени над человеческими ресурсами и талантами. Сохранение этого суверенного права чрезвычайно важно. Второе — это контроль над финансовыми потоками, представляющий собой важный пункт для дискуссий. Если мы будем со стороны национальных государств требовать свободных финансовых потоков, то это также сыграет на руку финансовым центрам. Здравый смысл, а также определенные институты рекомендуют все-таки контролировать финансовые потоки на уровне национальных государств. В этом заключается одно из условий стабилизации. И мы подходим к третьему измерению — это технологии. Здесь дела обстоят несколько иначе, потому что технологии легко проникают через государственные границы. У каждого из нас имеется пример такого проникновения. Технологии постоянно обогащают друг друга. Получается так, что если одно поколение изобрело какие-то новые технологии, то для следующего поколения они уже будут устаревшими. Несмотря на то что тенденция несбалансированного мира будет сохраняться, благодаря работе финансовых институтов и усилиям экономистов мы все-таки сможем прийти к определенному балансу.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Большое спасибо профессорам Колодко и Гэлбрейту. Я думаю, они задали очень хороший тон нашей дискуссии. А сейчас слово имеет профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Хочу сказать, что тематика реализации национальных интересов в условиях глобализации уже давно является темой моих научных исследований. Я и в Германии писал диссертацию на тему: «Позиция и перспективы России в процессе глобализации», и затем в России защищал докторскую диссертацию на тему: «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик». Я кратко остановлюсь на следующих аспектах: 1) глобализация и национальный интерес — сущность дилеммы; 2) мир сегодня — однополярный или многополярный; 3) глобализация — это поляризация или догоняющее развитие; 4) возможна ли новая модель глобализации; 5) проблемы экономики России в глобализирующемся мире.

Итак, с моей точки зрения, глобализация, конечно, — это не изобретение мультинациональных корпораций и не просто, так сказать, реализация чьих-либо частных интересов. Глобализация обусловлена всей предшествующей историей человечества. Можно сказать, что вся история человечества — это движение от локального к глобальному: если первобытная община — это царство локальное, древние миры и Средние века — это, безусловно, прежде всего региональная цивилизация, то сегодня мы объективно пришли к тому, что должны существовать в условиях глобализирующегося мира, глобального хозяйственного миропорядка. В чем же дилемма? Глобализация — это взаимопреплетение национальных экономик. С одной стороны, национальные границы стираются, частично утрачивается национальный суверенитет, но с другой — в новой истории на уровне национальных экономик складывается наиболее, скажем так, привычная эффектив-

ная система управления хозяйственной деятельностью. То есть на уровне государств, по крайней мере, процесс управления хозяйственной деятельностью более осязаем.

Когда нужно вступать в международные организации, интегрироваться, открывать границы, возникает такое ощущение, что наши национальные экономические институты ослабевают. Ярчайший пример — это Европейский Союз. К примеру, немцы думают, что их национальный центральный банк мог бы решить все проблемы, а его нет, есть европейский центральный банк. А это, с моей точки зрения, проблема. Так что, с одной стороны, глобализация стирает национальные границы, а с другой — такая вера в их могущество, эффективность, привычность у нашего народа, безусловно, присутствует.

Теперь что касается однополярности или многополярности мира. Я хочу сказать, что идея поставить знак равенства между глобализацией и американизацией, я считаю, очень односторонняя и несостоятельная. Сегодня существует несколько серьезных игровых игроков — тот же Европейский Союз, Китай, Индия. Другие страны, безусловно, тоже вовлечены в процесс глобализации, поэтому он не может быть связан с мировой гегемонией какой-либо одной страны. Другое дело, что сегодня существует глобальная сопоставимость. Вот в этом и есть, с моей точки зрения, отличие сегодняшнего мира от периода раскола мира на две противоположные хозяйственные системы. Порой, даже сопоставить показатели Советского Союза и Америки можно было очень условно, потому что системы дистанцировались друг от друга. Сегодня мы видим множество рейтингов, всевозможных показателей и можем сравнивать всех со всеми. С этой точки зрения мир более однополярен, в том смысле, что существуют более однозначно осязаемые, воспринимаемые векторы, то есть можно в глобальном масштабе сказать, кто лучше, а кто хуже.

Есть, с моей точки зрения, очень интересный вопрос, связанный с национальным институтом: это глобализация или догоняющее развитие? Здесь я хочу привлечь немного статистики. Я взял три ведущие страны мира (США, Германию, Швейцарию) и сравнил их показатели с показателями менее развитых стран. Мы однозначно видим, что для Малайзии, Польши, Сингапура и Южной Кореи характерно именно догоняющее развитие, то есть они реально почти догнали развитые страны по ВВП на душу населения. Но посмотрим на другие страны. И мы видим, что страны Африки, Китай, Индия, Бразилия, Боливия и Перу, в которых когда-то отрыв был в 100 или 1000 раз, он стал меньше в 20 раз. Это догоняющее развитие. Но это еще не означает, что они догнали. Пока существует различие между богатыми и бедными в 10 раз, всегда будет слышен критический тон, что глобализация не уничтожает различия между богатством и бедностью, то есть в глобализации одни страны богатые, другие — бедные. Нет однозначного ответа, поэтому проблема, безусловно, существует.

Теперь я хочу обратить внимание на международную торговлю, в частности на такой ее показатель, как

прямые иностранные инвестиции. Мы видим, что этот один из главных параметров глобализации до 2008 года испытывал рост, дальше все застопорилось. В последнее время он вообще не растет. Возникает вопрос: может быть, глобализация застопорилась, подошла к какому-то барьеру и дальше уже нет развития? Отсюда вытекает еще один, более важный вопрос: может быть, нужна другая модель глобализации? Сейчас много говорят о проблеме кризиса либеральной модели. Все больше распространяется идея о конвергенции. Это, безусловно, интересная идея. Я бы все-таки к либеральной модели относился аккуратнее. Пока еще рыночная капиталистическая экономика в Соединенных Штатах испытывает сложности. Но опять прогнозируется экономический рост.

Конвергенция — это очень интересная идея. Эта концепция рассматривает, насколько можно соединить одно с другим. Конечно, очень заманчиво взять все самое хорошее от всех систем, но насколько одно можно соединить с другим — это я ставлю как проблему. Задавая вопрос господину Колодко, я говорил, что сегодня есть три уровня — глобальный, региональный и национальный. С моей точки зрения, сегодняшняя институциональная система еще достаточно рыхлая. То есть, скажем, иметь такие институты, как Европейская комиссия, Европейский парламент, на региональном уровне можно, но на мировом — уже нельзя. В ВТО сегодня входят уже 162 страны. И это очень разные страны. Если ВТО будет жестко всех привязывать, не допускать переходных стадий, то она не сможет существовать. Я думаю, что будущее этой новой матрицы связано именно с тесным взаимодействием этих трех факторов.

В заключение несколько слов о России. Она имеет изначально глобализационный дефицит, который, в частности, проявляется в одностороннем характере международной торговли, в нашей внешней торговле. Когда мы преимущественно экспортируем сырье, а импортируем готовую продукцию, то сталкиваемся со многими проблемами. Мы недостаточно привлекательны для прямых иностранных инвестиций и недостаточно интегрированы в мировую финансовую систему. Это все долгосрочная тенденция. Но сегодняшний этап, вне всяких сомнений, особенный. Все эти проблемы мы осознавали на протяжении целого ряда лет, озвучивали их на многих конференциях, говорили, что с ними надо бороться, но по большому счету все оставалось без изменений из года в год.

Сегодня мы испытываем определенный кризис в отношениях с Западом, некое обострение, что вызывает разные проблемы — экономический спад, сокращение объемов торговых операций, сокращение притоков и целый ряд других. И возникают такого рода альтернативы: или мы добиваемся отмены санкций и восстанавливаем отношения со странами Запада, или, что сейчас является модной темой, переориентируем наши приоритеты сотрудничества, скажем, на Китай, Индию и т. п. С моей точки зрения, второй сценарий интересен только в плане поиска новых партнеров. Я считаю, нам надо все-таки ослаблять напряженность в отношениях с Западом и договариваться об отмене санкций, по крайней мере в ближайшей перспективе.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Виктору Борисовичу Фраймовичу.

В. Б. ФРАЙМОВИЧ: — На пленарном заседании и панельной дискуссии мы говорили о макропроблемах. Тогда как состояние национальной экономики определяется степенью решения межгосударственных макропроблем на национальном уровне и на уровне первичных звеньев хозяйствования, то есть предприятий, фирм. Я хотел акцентировать внимание именно на уровне первичных звеньев хозяйствования. В настоящее время произошло усиление нестабильности внешней среды. Меняется многое — уровень привычности, темп изменений, степень предсказуемости будущего. И в этих условиях адекватным представляется переход от модели властвования и подчинения, которая сейчас действует в первичных звеньях хозяйствования, к модели предпринимательского менеджмента. Действующей в настоящее время в первичных звеньях хозяйствования модели властвования и управления свойственны многочисленные патологии. Прежде всего — их целевая направленность.

Мы в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете проводили управленческий аудит разных организаций. Он показал, что целевая направленность различных программ предприятий оставляет желать лучшего. Большей частью это цели от слова «хочу». Распределение обязанностей, прав и ответственности персонала в первичных звеньях хозяйствования неудовлетворительное. Этот управленческий аудит показывает, что обязанности руководящего звена большей частью нецелевые, нефункциональные, не видна конкретная выполняемая работа. С точки зрения прав большая часть аппарата управления оказывается бесправной. А нет прав — нет должного выполнения обязанностей. С точки зрения ответственности наблюдаются стандартные отписки в должностных инструкциях, в положениях подразделений не определяется ответственность за некачественное, несвоевременное выполнение возложенных обязанностей. То есть в условиях нестабильности, неопределенности, когда неясны конкретные обязанности, права, не определена ответственность, трудно управлять организацией. Считается, что предприятия и организации, чтобы быть результативными и эффективными, должны выполнять четыре функции — это исполнение, администрирование, предпринимательство и интеграция. Последние две функции в первичных звеньях хозяйствования выполняются не на должном уровне.

Принято считать, что менеджмент и предпринимательство — разные вещи. Менеджер предполагает поддержание стабильности, опирается на исполнительскую дисциплину, административную поддержку и т. д. А предприниматель принимает, целенаправленно вносит изменения, выполняет проекты и работы, меняющие действительность, и т. д. И в связи с этим очень важно, чтобы административный менеджмент на предприятиях, в организациях носил, так сказать, предпринимательский характер. Предпринимательский менеджмент характеризуется взаимодействием, взаимо-

проникновением и черт предпринимательства, и черт административного менеджмента. То есть он ориентирован на результаты. Менеджер, который не стремится к обновлению, а также предприниматель, который не умеет управлять, обречены на поражение. При ориентации административного менеджмента на предпринимательский в первичных звеньях хозяйствования связка «команда–исполнение» должна заменяться связкой «цель — результат, соответствующий этой цели».

Теперь несколько слов об импортозамещении. В настоящее время на многих предприятиях сложилась ситуация, когда их деятельность в наибольшей степени зависит от поведения конкретных физических лиц. Поэтому ряд исследователей считает, что некоторые предприятия являются не юридическими лицами, а физическими, потому что сфера интересов отдельных управляющих, принимающих решения физических лиц оказывается локализована от целей руководимых ими предприятий и организаций. Поэтому понимание стратегии импортозамещения как связки соответствующей цели, соответствующих решений, средств для достижения этой цели в условиях неопределенности должно заменяться другим определением — стратегичности. Что такое стратегичность в условиях перемен? Стратегичность — это четкое следование определенному пути и постоянный мониторинг, изменился этот путь или нет. Умение вовремя перейти от бесперспективной технологии решения проблем на предприятиях к перспективной и характеризует в настоящий момент стратегичность.

Импортозамещение должно решаться комплексно и системно. Оно наиболее способно обеспечить жизнеспособность предприятий тогда, когда основано на коопетиции. Коопетиция — это соединение предпринимательства, конкуренции и кооперации. Предприятия созданы не для того, чтобы конкурировать друг с другом, а для того, чтобы заниматься выполнением работ, услуг, производством продукции и т. д. Поэтому соединение конкуренции и кооперации очень важно в условиях импортозамещения. Коопетиция — это такое взаимодействие между участвующими в создании ценностей первичными хозяйственными звеньями, которое позволяет получить какой-то конечный результат. Чем коопетиция отличается от конкуренции? При конкуренции кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. При коопетиции ставятся общие цели, и тогда выигрывают все, но есть и локальные цели, и каждый достигает их самостоятельно. То есть нет проигравших. И в настоящее время никакое первичное звено, никакая фирма не может обладать полным набором компетенций, который позволил бы ей в условиях импортозамещения реализовать свои результаты на уровне мировых достижений.

Поэтому коопетиция представляется важнейшей формой управления первичными звеньями хозяйствования в условиях импортозамещения. Коопетиция в импортозамещении, как выпекание пирога: чем лучше результат, чем больше пирог, тем легче его делить, и каждый получает большой кусок. Но, к сожалению, коопетиция при управлении импортозамещением в российской экономике — по-прежнему редкое явление.

Каждый старается для себя, разрабатывает свою стратегию импортозамещения, ставит конкретные цели в цифрах и в итоге оказывается в тупике. Так что потенциал коопетиции в российской экономике оказывается недооцененным. Поэтому должно прийти понимание того, что конкурентное преимущество следует максимально реализовывать для снижения уязвимости и повышения жизнеспособности предприятий. Коопетицией надо управлять. Национальная экономика тогда будет процветать, когда будут решены и глобальные мирохозяйственные проблемы, и проблемы на уровне предприятия, когда мы научимся управлять коопетицией. Сейчас у нас ни органы государственной власти, ни местные органы, ни руководство предприятий коопетицией не управляют. И даже административные рычаги используются редко.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово имеет профессор Людмила Федоровна Лебедева.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, здесь прозвучали очень интересные выступления, были высказаны разные мнения. Мнения неоднозначные, но тем интереснее дискуссия. Мне бы хотелось обратить внимание на то, что в середине апреля на сайте Университета профсоюзов были размещены не менее интересные тезисы докладов. Среди них мое внимание привлекли тезисы Александра Сергеевича Запесоцкого, где четко обозначены ключевые проблемы американской политики, в том числе в отношении Европы. Что любопытно: буквально через неделю после их публикации на сайте Университета Барак Обама в своем последнем европейском турне подтвердил, собственно, все пункты, о которых говорил Александр Сергеевич.

В чем это выразалось? В Лондоне президент США сконцентрировал свои усилия на том, чтобы доказать британцам, что им не надо выходить из Евросоюза, не надо голосовать за это, что лучше и выгоднее оставаться в его рамках. И прежде всего потому, что до конца года США и Евросоюзу нужно заключить соглашение о Трансатлантическом партнерстве. В чем здесь дело? Обратимся к цифрам. Дело в том, что и по военной мощи, и по экономическим показателям, и по научно-технологической оснащенности, несмотря на возвышение и конкуренцию со стороны ряда других мировых держав, Соединенные Штаты по-прежнему лидируют. И дело не только в ВВП, несмотря на то что доля расходов на мировых рынках падает, в США она остается на уровне 27 %. Это еще и 36 % мировых оборонных расходов. Но дело в том, что одновременно серьезно упала доля США, например, в мировом экспорте, сейчас она составляет всего 8,5 %.

В связи с этим на президентском уровне поставлена задача найти новые механизмы обеспечения, поддержания, укрепления американского лидерства. Какими эти механизмы? Буквально в последние три года, что развивается наиболее критично и на что смотрит Америка — это два партнерства, Трансатлантическое и Транстихоокеанское. В связи с этим во время своего последнего визита в Европу Обама как раз обозначил эти приоритеты. Если в Лондоне речь была сосредото-

точена на том, как бы подписать Трансатлантическое партнерство до конца года, то в Германии, в Ганновере, она носила совсем иной характер. Это уже были не двусторонние переговоры, а с привлечением G5, то есть встреча членов «Большой семерки», кроме Японии и Канады, с главами европейских государств. Там речь шла не только о Трансатлантическом партнерстве в плане торгового инвестиционного сотрудничества. Обама очень настойчиво напомнил своим европейским союзникам о том, что за оборону тоже надо платить.

Еще осенью 2014 года новые члены НАТО согласились с тем, что надо увеличить расходы на оборону до 2 % от ВВП. Но дело в том, что выполняют это всего четыре страны — Великобритания, Греция, Польша и Эстония. До 2017 года только Румыния пообещала и запланировала увеличить расходы до 2 % от ВВП. В НАТО входят 28 стран. Недавно в Брюсселе был подписан Протокол о присоединении к НАТО еще и Черногории. Это уже 29 стран. Америка хочет, чтобы там решались не только военные дела, но и экономические вопросы. Сейчас проводится политика укрепления мира через укрепление восточных границ. Она напоминает ту, которая была при Рейгане, но с одним очень важным чисто экономическим нюансом. При Рейгане расходы на оборону в Соединенных Штатах составляли более 4 % от ВВП. Сегодня это 3,6 %, в проекте федерального бюджета на будущий год — уже 3,3 %, а к 2020 году этот показатель составит 2,7 %. То есть в США идет неуклонное снижение внутренних расходов на оборону, но в то же время от других государств они требуют увеличения до 2 %. Вот такая ситуация складывается в плане Трансатлантического партнерства.

США заинтересованы в заключении Транстихоокеанского партнерства, так как они хотят лидерства в этом регионе. Сотрудничество Соединенных Штатов с Евросоюзом дает 23 % всего объема мировой торговли. А в мире для торговли существуют огромные рынки — это Россия, Китай, Индия, Индонезия и т. д. То есть происходит формирование совершенно иной конфигурации торгово-экономических отношений в мире. Кто от этого выиграет, кто проиграет — сейчас трудно загадывать, процесс сложный. Сейчас все активно комментируют, что больше всех выиграют США. В каждой стране проводился опрос населения «за» или «против». Так вот за Транстихоокеанское партнерство наибольшая доля населения проголосовала во Вьетнаме — 87 %. Такого нет ни в США, ни в Канаде. Почему? Прежде всего потому, что многим вьетнамским товарам открывается доступ на самый емкий американский рынок. Импорт в Америке уже в ближайшие годы приблизится к половине триллиона долларов. И если сейчас вьетнамский текстиль облагается пошлиной 18 %, то она будет обнулена, то есть экономическая выгода налицо. Но здесь есть масса других аспектов, против которых выступают и в Европе, и в некоторых странах Азии, — это экологические и трудовые стандарты. То есть в целом это подстраивание, естественно, под американские стандарты.

В заключение хотелось бы вернуться к тезисам Александра Сергеевича Запесоцкого. С моей точки зре-

ния, с ними должны ознакомиться студенты не только Университета профсоюзов, но и других вузов. Поскольку очень важно существующие проблемы донести до молодого поколения. Сложно не согласиться с профессором Колодко в том, что, безусловно, глобализация — это колоссальные новые возможности, но одновременно и новые риски, и не только для стран с меньшими размерами ВВП, территорией и так далее, чем у США. У США, как у крупнейшей державы, свои риски, и прежде всего это конкуренция и объединение других держав. Чтобы разобраться в этом, нужна комплексная картина.

Напоследок немного статистики. По объему в мировом товарном экспорте США уступают, как и по расходам на НИОКР, а это конкурентоспособность завтрашнего дня. По последним данным, 35 % оборонных расходов действительно приходится на США. В Соединенных Штатах основная статья расходов федерального бюджета — это расходы на человеческие ресурсы, то есть социальные расходы. На текущий год федеральный бюджет предусмотрел суммарные расходы в размере 3,95 трлн долларов, из них 72 % приходится именно на человеческие ресурсы. Но есть внутренний ограничитель наращивания Соединенными Штатами военных и социальных расходов — это их государственный долг, о котором очень много дискутируют. Но редко говорят о том, что проценты по этому долгу растут, и в 2017 году, по оценкам бюджетного управления Конгресса, выплаты по процентам составят половину военных расходов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Сайлау Байзаковичу Байзакову.

С. Б. БАЙЗАКОВ: — Я хочу присоединиться к прозвучавшим выступлениям. В частности, профессор Фейгин здесь рассуждал о том, какой сейчас мир — однополярный или многополярный. Конечно, наш мир многополярный, я согласен с идеей многополярности нашего развития, но в экономике должна быть создана методология управления в обход связи реального и финансового секторов экономики. Разрыв между этими секторами экономики растет из года в год. Везде, во всех странах мира такая связь не удерживается. Из-за чего? Из-за того, что нет единой методологии регулирования и оценки эффективности регуляторной политики ни в финансовом, ни в реальном секторе экономики, и тем более в самом управлении развития этой связи между двумя секторами. То есть нет связи, оценки методик, методологии оценки связи между этими двумя крупными секторами экономики. Для студентов это очень сложная задача. Но я считаю, что в любой момент времени они должны уметь найти эту оценку.

Какое управление сейчас существует? Сейчас существует связь между этими секторами через капитал в форме денег. А необходимо эту связь искать через капитал не только в форме денег, но и в форме товара. Если мы заменим однополярный мир, который связан с учетом денег, на двухмерное измерение, то получим параметры управления и реальным, и финансовым сек-

тором. Причем финансовый сектор будет иметь свои качественные и количественные параметры, а реальный сектор — свои. Еще у нас имеются три группы — номинальная, реальная группа и так называемый конечный продукт. Конечный продукт может измеряться и моделью Кейнса, и моделью монетарной политики Манделла–Флеминга. Но эти три параметра не взаимосвязаны. Необходимо найти взаимосвязь реального конечного продукта с реальным и номинальным ВВП. Я считаю необходимым об этом сказать потому, что министр экономического развития РФ А. В. Улюкаев в 2014 году говорил о том, что инфляция, подогреваемая девальвацией, обесцениванием денег, мешает точному измерению экономики. А неизмеряемая экономика, о чем вчера говорил академик Нигматулин, — это неуправляемая экономика, анархия. Чтобы экономика была управляемой, необходимо найти точную методологию измерения.

Теперь несколько слов о том, к чему приводит однополярное измерение деньгами. Кто-то из коллег уже говорил о том, что финансовый сектор развивается бесконтрольно — один к четырем. А французский экономист Тома Пикетти в 2015 году в своей книге с помощью экономических законов обосновал и доказал, что эта цифра будет составлять один к семи. Я считаю, что необходимо найти компромисс между развитием финансового и реального секторов. Тома Пикетти вывел два закона, что инфляция и темпы экономического развития имеют много противоречий. И он на примере экономик Франции и Великобритании на конкретных фактических материалах доказывает, что эти показатели не совпадают, они противоречивы. Почему он находит эту ошибку? Потому что измеряет отдельно капитал в форме денег и капитал в форме товара и считает, что эти показатели должны быть согласованы. В конечном счете Пикетти приходит к выводу, что вся западная методика, методология опирается на теорию экономического наследия Адама Смита. А советские экономисты в свое время опирались на схему Маркса о расширенном воспроизводстве с учетом научно-технического прогресса.

Какой закон экономики основной, какая форма модели базовая? Форма модели Фридмана, когда реальный ВВП умножается на дефлятор ВВП и равняется скорости движения денежной массы. Если преобразовать дальше эту формулу, получается, что через межотраслевой отчетный баланс можно соизмерить затраты денег, перевести на затраты в трудовом измерении и получить сопоставимость скоростей доходов от капитала и затрат от труда. И разница этих двух показателей дает нам уровень научно-технологического прогресса. А этот показатель является решающим для управления нашей экономикой. Уравнение неравновесия рыночной экономики состоит в оценке покупательной способности денег, умноженной на номинальный ВВП, что равняется показателю научно-технологического прогресса, умноженному на реальный ВВП. В конечном счете эта формула реального конечного продукта определяется покупательской способностью, умноженной на номинальный ВВП.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется нашему коллеге из Польши Гжегожу Малиновски.

Г. МАЛИНОВСКИ: — Несколько слов о глобализации, моделях потребления и политической стабильности. Глобализацию можно рассматривать с разных точек зрения — это не только экономика, но и культурный обмен, правительства разных стран, миграция и т. д.

Я считаю глобализацией процесс адаптации моделей потребления богатых стран менее развитыми. В богатых странах существуют две основные характеристики моделей потребления. Первая характеристика — люди в богатых странах тратят относительно небольшое количество своих доходов на основные нужды. В пирамиде потребностей Маслоу основные потребности представлены в нижней части пирамиды, а менее востребованные и соответственно более высокие находятся на вершине пирамиды. Но если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения расходов и того, как люди в богатых странах тратят свои деньги, то мы увидим полную инверсию. Большая часть доходов тратится на более высокие потребности, а меньшая — на оплату основных потребностей. Приведу пример. В Германии люди тратят 9 % доходов на продукты питания и напитки, в Польше — около 20 %, в то время как в Индии — около 50 %.

Вторая характеристика — объединение брендов. Мы все хотим покупать одни и те же товары: iPhone, MacBook, немецкие автомобили. Здесь уместно вспомнить латинское изречение “Nihil novi sub sole” («Ничего нового под солнцем»). Сто лет назад человек, живший в Перу, или Гватемале, или Боливии, или Бразилии, не имел представления об условиях жизни в развитых западных странах. В то время как сегодня у всех есть доступ к Интернету, где через YouTube можно посмотреть, как живут люди в Соединенных Штатах Америки или Германии. Между тем, что происходит сейчас, и тем, что было сто лет назад, — большая разница.

Возникает вопрос: что происходит, когда слаборазвитая или бедная страна перенимает структуру потребления богатых стран? Выскажу несколько предположений. Во-первых, потребности растут намного быстрее, чем способность их удовлетворить. В Бразилии, Индии, Китае, Вьетнаме и Германии людям был задан один и тот же вопрос: «Какой тип смартфона вы хотели бы иметь?». В большинстве случаев ответ был iPhone. Немец, чтобы купить iPhone, должен работать 2,5 недели, тогда как в индус — 3,5 месяца.

Во-вторых, следует отметить растущее давление на правительство, с тем чтобы изменить ситуацию. Люди хотят, чтобы ситуация изменилась, хотят жить так же, как в развитых странах. Если правительство не в состоянии что-либо сделать, оно подвергается большому давлению. К сожалению, могу констатировать, что в большинстве случаев правительства не в состоянии исправить ситуацию, так как это не соответствует экономическим возможностям.

В-третьих, все больше людей хотели бы эмигрировать из бедных стран в более богатые, чтобы улучшить свое материальное положение. Приведу пример. С момента вступления Польши в Евросоюз более 2 млн человек эмигрировали из нашей страны. Кроме того, несколько сотен тысяч молодых образованных людей морально готовы покинуть Польшу, потому что они хо-

тят жить лучше и стремятся обеспечить свое будущее в других странах.

Еще одна характерная черта (возможно, профессор Гэлбрейт заинтересуется этим наблюдением) — концепт неравенства доходов получает различное осмысление в разных странах. Фактор неравенства национальных экономик имеет решающее значение, однако растет потребность в измерении понимания глобального неравенства. Как правило, люди сравнивают себя не с соседями, живущими в том же квартале, а с людьми, живущими в других странах.

Потенциальное решение этой проблемы не предполагает единого варианта, но мы можем принять мифы, подобные «американской мечте», или использовать другие решения, например, отложить на будущее удовлетворение некоторых социальных потребностей, по крайней мере в развитых странах.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — На трибуну приглашается Чжан Дюнь Юн.

ЧЖАН ДЮНЬ ЮН: — Уважаемые коллеги, дорогие студенты! Для меня большая честь выступать перед вами. Я хотел бы обсудить много интересных вопросов российско-китайских отношений в контексте глобализации. Но позвольте мне сосредоточиться на нескольких темах, имеющих принципиальное значение.

Что касается торговых отношений между нашими странами. Хочу привести несколько примеров. В 1990-е годы товарооборот между Китаем и Россией составлял около 5 млрд долларов США в год. В 2014 году этот показатель вырос до 95 млрд. Это означает, что объем торговли в течение двух десятилетий увеличился в 18 раз.

Китай поддерживает дружеские отношения с Россией в духе добрососедства и сотрудничества, разделяя взаимное стремление к глобальной многополярной системе. Отношения между нашими странами демонстрируют пример полномасштабного стратегического партнерства, которое играет ключевую роль в поддержании мира и стабильности в регионе и мире в целом и служит процветанию наших стран.

Цель — стомиллиардный объем торговли между нашими странами — в 2015 году не была достигнута. Это можно объяснить различными причинами, но в первую очередь мировым экономическим спадом (как следствие — падением цен на сырье) и перепроизводством товаров потребления. Тем не менее объем торговли с Китаем во внешней торговле России в 2015 году составил 12 % (или 11,3 % от всего объема внешней торговли России в 2014 г.). Это значительный показатель, учитывая тот факт, что более половины доходов в бюджет России обеспечивают поступления от торговли нефтью, которые сейчас существенно уменьшились. Также сократились инвестиции в экономику вследствие неправомерно введенных санкций со стороны западных стран, которые ограничили доступ России к кредитным ресурсам.

Китай наряду с США остается самым крупным в мире потребителем, а также производителем товаров. Тем не менее Китай также страдает от некоторых

негативных тенденций в экономике, в частности, связанных с финансовым сектором. В 2015 году Китай потерял 800 млн долларов США, стабилизируя свою финансовую систему. Объем внешней торговли Китая снизился на 8 % по сравнению с прошлым годом — рекордный показатель начиная со времени политики реформ и открытости.

Наши страны предпринимают различные меры для борьбы с негативными последствиями мирового экономического спада и финансовыми препятствиями. Россия в числе первых присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АИВ), созданному Китаем. Этот банк способствует реформированию мировой системы. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы поддержать китайскую экономическую линию совместно с российской стратегией развития, а также готов присоединиться к Евразийскому экономическому союзу, созданному по инициативе России. Инициатива «Один пояс и один путь» (выдвинутая Китаем инициатива объединенных проектов создания экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в.) предполагает сотрудничество в строительстве высокоскоростной железной дороги Москва—Пекин. После запуска в 2020 году этот проект сможет сократить время пути с 7 суток до 48 часов.

Существует много других механизмов, которые способны позитивно повлиять на развитие отношений между Китаем и Россией в глобальном контексте, такие как ШОС, БРИКС, АТЭС и др. На различных уровнях эти механизмы могут способствовать взаимному достижению высоких целей и вести к более масштабному сотрудничеству.

Объединение науки и техники России с финансовыми и промышленными ресурсами Китая, а также наши исторические и культурные традиции являются основой для надежного сотрудничества, которое способно сбалансировать однополярный мир.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Николаевичу Никулину.

Н. Н. НИКУЛИН: — В ходе Лихачевских чтений я так и не услышал, в чем же заключается национальный экономический интерес страны. Никто не сформулировал содержание национального экономического интереса России или Польши.

В своем выступлении я хочу затронуть тему инновационного развития России, его возможностей и условий. Каковы в условиях глобализации возможности включения России в этот мирохозяйственный процесс? В связи с этим хотелось бы процитировать слова А. С. Пушкина об Онегине:

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,

Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши и неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов.

Ситуация двухсотлетней давности повторяется. Только сегодня мы продаем не лес и сало, а нефть и газ, а вместо пилочек закупаем iPhone и iPad.

Есть ли у России иные возможности исторического и экономического развития? Должны ли мы и дальше развивать примитивную сырьевую экономику? Наверное, нет. Но на самом деле все остается на прежнем уровне. Россия развивается в рамках примитивной сырьевой экономики.

Когда мы сравниваем экономики разных стран, я исхожу из положения, что нужно сравнивать их на основе паритета покупательной способности, рыночного валютного курса. Это более четко позволяет определить место национальной и мировой экономик. Экономика США опережает экономику России примерно в 10 раз.

Если говорить об обрабатывающей промышленности США и России, то следует учитывать, что возможности развития высокотехнологичных отраслей экономики определяются капиталовложениями в высокотехнологичные отрасли и обрабатывающую промышленность в целом. Соотношение возможностей капиталовложения в труд в США как в развитой стране и Российской Федерации отличается примерно в 7–8 раз. Современное высокотехнологичное производство — это в основном межнациональные крупнейшие корпорации с огромными капиталовложениями. “Google”, “Samsung”, развивая свои технологии, осуществляют миллиардные вложения. Когда Россия попыталась создать высокотехнологичную промышленность, например Зеленоград, то все ограничилось закупкой в Германии завода по производству чипов по 90-нанометровой технологии, чтобы производить билеты в метро. Шестнадцатинанометровые технологии, которые Intel широко внедряет в производство, нам никто не передаст, при этом, кроме технологий, нужен начальный капитал. Завод по производству 16-нанометровых чипов стоит примерно 3–4 млрд долларов. Если таких денег нет, то не будет и производства.

Господин Третьяков на пленарном заседании спросил, зачем нам 300 сортов сыра, если наша страна согласна на два сорта хорошего сыра. Мы вынуждены конкурировать. В глобальной экономике освободиться от мировой конкуренции не получится. Отсюда следуют два вывода.

Первый — страна может закрыться, проводя политику Менделеева, который в конце XIX века предло-

жил России свой таможенный кодекс. В то время резко повысили таможенные пошлины, разразилась даже торговая война с Германией, но тогда в Россию начал поступать торговый капитал. Замечу: не товары, а капитал наряду с технологиями и пр.

В России в 1913 году примерно 60 % крупной промышленности, 70–80 % банков принадлежали иностранцам. За счет чего наша страна совершила рывок? Сегодня Китай сделал рывок за счет использования двух факторов: первый — политический (отмежевание Китая от Советского Союза), второй — экономический. И в Китае начали поступать капитал и технологии.

Возможен ли такой вариант для России? Сегодня объемы прямых иностранных инвестиций минимальны по сравнению с инвестициями в экономику Мексики, Китая и др. (тем более что сейчас действуют санкции). Возникает вопрос: следует ли России закрыть границы, используя теорию Фридриха Листа, который разработал национальную систему политической экономии (сейчас это немодная теория)? Чаше упоминают авторов других теорий — Смита, Фридмана, Кейнса. Лист в середине XIX века предложил Германии закрыться, потому что это была в значительной степени аграрная страна, она конкурировала с Англией и отставала от нее. А когда страна получила бы развитие, тогда можно было бы открыться. Если Германия, закрывшись на десять лет, не смогла бы догнать Англию, то это означает, что Германия не способна стать промышленно развитой страной и ей следует идти в ученики к Англии.

Способна ли Россия, закрывшись на десять лет, создать свой iPhone? Товароборот компании “Samsung” составляет примерно 300 млн единиц товара в год. Продажи отечественного Yotaphone — примерно 15 тыс. в год. Сможем ли мы, имея много денег, что-то предложить мировой экономике в результате их использования? Яркий пример — «Е-мобили» господина Прохорова — показывает, что у нас ничего не получается.

В связи с этим можно использовать второй вывод — не закрываясь, включаться в международные экономические процессы, то есть сотрудничать с международными корпорациями. Пример — использование титановых сплавов фирмой “Boeing”. Иначе мы так и будем следовать тому, о чем 200 лет назад писал Александр Сергеевич, то есть останемся страной, которая вывозит лес и сало, нефть и газ.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Конечно, в нашей стране убогая структура, и ее нужно совершенствовать. Но при этом мы впадаем в другую крайность, например, объявляя наш топливно-энергетический комплекс убогим и т. д. На самом деле сегодня российский топливно-энергетический комплекс высокотехнологичен. «Роснефть» — крупнейшая международная компания в нашей стране, которая обеспечивает наибольшее количество поступлений в федеральный бюджет. И слова о том, что мы не возьмем в будущее энергетический сектор, — всего лишь фигура речи. Экономика не может существовать без энергетических ресурсов. Проблема заключается в том, чтобы создать условия для развития высокотехнологичных отраслей. Не нуж-

но негативно относиться к тому, что в стране действительно работает и нас до сих пор спасало.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется ректору СПбГУП, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги! На Лихачевских чтениях неоднократно звучала мысль о том, что экономика — это неотъемлемая часть культуры. Согласно теории Карла Маркса, экономика — это базис, на который надстраивается все остальное, включая общественные отношения. Для анализа определенных процессов (но не всех) идея Карла Маркса была абсолютно правильной, но при анализе более широкого круга процессов, особенно современных, эта мысль представляется не очень продуктивной.

Дело в том, что в постмарксовскую эпоху предметом производства все чаще становятся не вещи, не материальное, а идеи. С помощью рекламы и средств массовой информации не только производятся политические манипуляции, но и создаются ценности и смыслы материальных предметов в умах людей. Престижность, бренды, фирмы, марки — сейчас в эту область сместилось производство. Экономика становится экономикой смыслов, манипуляций людьми и т. д. Именно в этом заключается смысл постиндустриального общества. Экономика становится все более гуманитарной профессией и, как вчера справедливо заметил академик А. Д. Некипелов, все менее точной наукой.

В России рядом «теоретиков» исповедуются псевдоэкономические теории. В настоящее время параллельно существуют две картины мира: одна — реальная, другая — та, которая создается на экранах телевидения. В рамках второй реальности нашей экономикой якобы руководят гуру Гайдаровского форума.

В фильме «Аватар» показано столкновение двух цивилизаций: техногенной (которая стремится поработить весь мир, вытянуть все ресурсы из природы, уничтожить все вокруг) и традиционной (которая видит себя в гармонии с природой, ощущает себя частью природы). В последние века развитие капитализма приводит к уничтожению традиционной цивилизации и ее системой ценностей и укоренению техногенной цивилизации. На повестке дня уже давно стоит вопрос о формировании цивилизации нового типа. Об этом говорят и ведущие философы, социологи, экономисты, великие художники. Мне представляется, что внимание государства, общества, научного сообщества должно быть обращено не на то, как манипулировать рынком, обманывать людей, навязывать им те или иные товары, а на то, как сделать жизнь лучше с помощью реальных экономических механизмов.

Хочу поприветствовать на нашем форуме моих коллег. Также я рад приветствовать здесь студентов — людей, которым принадлежит будущее. Какими вы будете — таким будет и наше будущее. Желаю успехов!

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Для меня честь выступать с этой трибуны. Уровень, который задан на Лихачевских чтениях, существенно превосходит все то, с чем мы сталкиваемся на других конференциях (я имею в виду свободу выражения мысли, уровень дискуссий и, конечно, выступающих).

Предложенный предыдущим докладчиком механизм встраивания в технологические цепочки транснациональных корпораций с целью получения новых технологий — неоднозначный путь. В Институте экономики РАН ведутся серьезные исследования на эту тему, которые доказывают, что встраивание различных стран в эти цепочки не оборачивается ни финансовыми доходами, ни трансфером технологий. Это сложный путь. Хотя следует заметить, что не было бы iPhone, если бы не существовал рынок объемом полмиллиарда человек.

На пленарном заседании много говорилось и о том, что мы переживаем кризис прежнего мироустройства. Многие выступающие ругали глобализацию. Поскольку я возглавляю сектор социальных проблем труда и занятости (ключевое слово — социальных), то остановлюсь на социальных последствиях глобализации.

В защиту глобализации следует указать на современный уровень жизни, успехи в области здравоохранения (например, вакцинация детей в беднейших странах обеспечила существенное снижение смертности), образования (в частности, на пять лет повысился средний уровень, который гражданин планеты проводит в рамках официальной институциональной системы образования), которые мы наблюдаем в последнее десятилетие.

Индекс развития человеческого потенциала (показатель, на протяжении последних 20 лет рассчитываемый ООН) неуклонно растет и имеет положительную динамику, но при этом индекс развития человеческого потенциала в беднейших странах по темпам роста обгоняет этот показатель в развитых странах. Это говорит о том, что глобализация действительно принесла социальный прогресс.

Как и любой процесс, глобализация имеет свое начало, апогей, но сейчас она оборачивается негативными последствиями. В Давосе на Всемирном экономическом форуме швейцарская консалтинговая компания представила прогноз о том, что уже в ближайшие пять лет 1 % жителей Земли станет богаче, чем все остальное население, то есть будет обладать более 50 % богатств. Такая ситуация в обыденном сознании воспринимается как крайне несправедливая. Неслучайно один из последних докладов Международной организации труда называется «Социальная справедливость в рамках современной глобализации». Почему богатые богатеют, а бедные получают лишь причитающуюся им вроде бы справедливую долю богатства? Дело не в субъективном желании богатых завладеть богатствами, а в том, что экономика, которая непосредственно связана с научно-техническим прогрессом, ведет к углублению уровня разделения труда и к тому, что социальная политика обладает все меньшими ресурсами для своего осуществления. Уже доказано, что на опре-

деленном уровне развития (в рамках постиндустриальной экономики) каждый следующий процент экономического роста достигается при обвальном сокращении занятости населения — современная экономика становится все более безлюдной.

Мой старший сын — программист. На мой вопрос: «Чем ты занимаешься?» он ответил: «Я лишаю людей работы». Он автоматизирует торговлю и отчасти процессы в области транспорта. Это самые трудоемкие отрасли современной экономики. В нашей стране, например, в официальной торговле занято столько же людей, сколько в образовании и здравоохранении, вместе взятых (20 %). И еще 20 млн, по оценке вице-премьера, занято в неформальной экономике (торговля и вообще сфера услуг). Брокеры на Нью-Йоркской фондовой бирже два года назад бастовали, потому что оказалось, что компьютеры более эффективно торгуют на бирже. Китайцы собираются заменить официантов на роботов. По прогнозам американской службы занятости, под угрозой находится среднестатистический персонал, потому что роботы гораздо более эффективны и не требуют социальной защиты.

В итоге мы имеем ухудшающееся качество занятости. Современный работник при все более общественном производстве становится все более обособленным. Если мы посмотрим на фактор занятости разных поколений и статистику рынка труда, то увидим, что разрыв в качестве занятости проходит по поколениям. Для старшего поколения, которое уже приближается к пенсионному возрасту, характерна традиционная занятость — на условиях контракта и т. д. Сегодня Евростат рисует наглядную картину: 70 % молодых людей уже работают в нетрадиционных условиях — по найму, что для них становится традиционным (2–3 часа в неделю, или ограниченное время, или постоянная смена сфер деятельности, или самозанятость). Статистика роста самозанятости свидетельствует о ее превращении в форму занятости по найму.

Проблема заключается в том, что современная социальная политика основана на трудовой сфере (люди получают пенсию, страховки и прочее, только будучи занятыми и уплачивая взносы). В разных странах эта система организована по-разному, но все равно базируется на социально-трудовой сфере. Поэтому развитие технологий влечет за собой изменение ситуации в сфере занятости и социальной политики. То, что мы привыкли считать социальным, общественным благом (здравоохранение, образование и т. д.), переходит в разряд услуг и приобретает частный характер (медицина — в большей степени, образование — в меньшей). В развитых странах затраты на здравоохранение и образование достаточно высоки. Но нужно внимательно посмотреть, какова доля возросших затрат, за счет чего улучшается качество здравоохранения и образования, какая часть повышения приходится на рост прибыли страховых и фармацевтических компаний. Это очень серьезная проблема.

Появление новых субъектов в социальной сфере — транснациональных компаний — кардинальным образом меняет всю социальную ткань современного общества. Сейчас уже говорят о том, что эти компа-

нии должны иметь право создать Трансатлантическое, Транстихоокеанское торговое партнерство. Речь, помимо всего прочего, идет о том, что эти транснациональные субъекты в специальных судах, арбитражах должны иметь право судиться с национальными государствами, которые мешают им получать прибыль.

Меняются социальная ткань и структура общества. В отличие от индустриальной эпохи, когда существовало более или менее эгалитарное общество с крупными социальными группами интересов, современное, постмодернистское общество становится все более атомизированным и разобщенным. Это мешает сформулировать некий положительный социальный норматив, концептуальную картину будущего.

Какое будущее мы хотим иметь? Нам хотелось бы, чтобы глобализация продолжалась и, отбросив отрицательные моменты, повернулась к нам лицом. Но реальность гораздо сложнее. Современный человек в условиях атомизированного общества в кризисной ситуации начинает искать коллективные идентичности для защиты своих интересов. Эти коллективные идентичности иногда оказываются очень архаичными, а иногда и просто опасными для существования цивилизации.

Мне представляются три возможных сценария развития будущего. Первый — хаотизация (война всех против всех). Это, к сожалению, реальный сценарий. Второй (о чем говорил С. Ю. Глазьев) — регионализация мировой экономики. Но регионализация подразумевает понижение уровня разделения труда. В этом случае емкость рынка будет составлять уже не 3 млрд, а зависеть от того, какие регионы объединяются и создают макрорегионы. Собственно говоря, понижение уровня разделения труда означает снижение технологического порога, что тоже имеет негативные социальные последствия. Третий сценарий — мировое правительство. Эти идеи развивались в рамках Римского клуба, а сейчас — под эгидой ООН. Кто будет формулировать гарантированный социальный минимум, который сейчас опробуется в Швейцарии (что в условиях безлюдной экономики люди будут получать гарантированный минимум)? Чем люди будут заниматься в условиях безлюдной экономики? По прогнозам агентства по подбору персонала Job.ru, самая востребованная специальность в 2025 году — режиссер виртуальной реальности. Нам решать, выбирать и думать, какое будущее нас ожидает.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — К микрофону приглашается профессор Марк Михайлович Хайкин.

М. М. ХАЙКИН: — Хочу сказать несколько слов о проблемах национальной экономики в условиях глобализации. Профессор Николай Николаевич Никулин говорил о проблемах экономики России в условиях глобализации, а до этого Александр Сергеевич Запесоцкий сказал, что культура является гораздо более глобальным понятием, чем экономика.

В условиях постиндустриального общества главная ценность — это нематериальный продукт, то, что невозможно увидеть, потрогать, что не имеет вещественных признаков. Но мы — это информация, зна-

ния, интеллектуальный продукт и т. д. В любом случае постиндустриальная экономика будет иметь материальную основу. Так, информация всегда создается с помощью технических средств (хранение, обработка, передача данных и т. д.), но должно быть «железо» (компьютеры, материнская плата и пр.).

Когда-то мы обращали внимание на воспроизводственный подход в экономической теории, знали, что на первом месте должно быть производство средств производства для производства средств производства, потом — производство средств производства для производства предметов потребления.

За последние 25–30 лет мы сделали акцент именно на постулатах постиндустриальной экономики, забыв, что в сфере материального производства должна быть материальная основа. На сегодняшний день отечественные отрасли промышленности находятся в серьезной экономической зависимости от импорта. Согласно официальной статистике, в разных отраслях экономики, особенно в машиностроении, экономическая зависимость от импорта составляет в лучшем случае 70–75 %, в худшем — 90 % и более. Этот понижающий тренд отмечается на протяжении четверти века.

Последние 3–4 года все больше говорят о необходимости неоиндустриализации экономики. Экономисты спорят, как более грамотно проводить стратегию неоиндустриализации, реиндустриализации. Дело в том, что необходимо создавать собственное производство в промышленности. Отечественная промышленность имеет слишком высокий износ основных фондов — около 70 %.

Каких результатов добилась наша страна за последние 25 лет развития после начала перестройки? С 2012 года четко обозначились тенденции рецессии в экономике. Если говорить об основных макроэкономических диспропорциях современного состояния экономики, то следует отметить, что внутренний спрос падает, а потребности растут, инвестиции катастрофически сокращаются.

Причины кризисных явлений связаны как с внутренними проблемами, так и с внешними. Говоря о внешних проблемах, следует заметить, что сейчас по отношению к России действуют санкции, мы вступили в ВТО и т. д. Внешние проблемы усугубляют существующее положение дел. Любая экономическая система дееспособна тогда, когда может противостоять внешним угрозам. Главную причину надо искать в самих себе. Последнюю четверть века проповедовалась идея постиндустриального общества — что в экономике знаний сферу материального производства надо сокращать и максимально расширять сферу нематериального производства.

Здесь уже говорилось о сырьевой модели экономики и т. д. Я хотел бы поспорить с некоторыми выступающими. Существует альтернативная точка зрения, противоположная той, что в экономике России действует сырьевая модель. Я подготовил статистику по вновь добавленной стоимости в сырьевом секторе. Из 100 % в сырьевом секторе экономики работает менее 1 % экономически активного населения. Если взять пространственную экономику России, то 2/3 ре-

гионов действительно являются ресурсодобывающими, но 1/3 из них не имеет ярко выраженной ресурсной специализации. Если обратить внимание на доходы консолидированного бюджета, финансовые аспекты, то они до недавнего времени составляли 1/3 от доходов государства. Страна получает огромные финансовые средства от продажи нефти и газа. Но я хотел бы обратить внимание на следующий момент — как расходуются эти средства. Они могли бы быть потрачены на инновации и инвестиции, но этого не происходит. Где взять инвестиционные ресурсы? Этот вопрос уже из области экономической безопасности страны. За последние 20 лет через офшорные компании из страны был выведен 1 трлн 400 млрд долларов, из них за последние 5 лет — 400 млрд.

Безусловно, глобализация должна существовать и развиваться, обеспечивая открытость. Сейчас невозможно отгородиться «железным занавесом». Но эта открытость не должна мешать национальным интересам, когда из страны выводятся деньги, а потом поступают в виде очень дорогостоящих инвестиций.

Несколько слов о минерально-сырьевом комплексе. Население связывает проблемы с тем, что у нас основные денежные потоки направляются в Газпром, ЛУКОЙЛ и т. д. В любом случае энергозависимость мировой цивилизации будет существовать, и добывать ресурсы мы будем еще долго. Поэтому проблема не в добыче как таковой, а в том, что средства, которые формируются за счет функционирующих добывающих компаний, направляются не на развитие реального сектора экономики. Финансовые и реальные потоки сегодня не соответствуют друг другу.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Следующий выступающий — профессор Сергей Анатольевич Антипин.

С. А. АНТИПИН: — В ходе панельных дискуссий был затронут вопрос о том, что сулят нам механические модели глобализации. Мы сравнивали американскую и китайскую модели глобализации, также было высказано мнение, что американская модель будет доминировать и в конце концов победит.

Но у меня этот тезис вызывает большие сомнения. Почему американская модель глобализации подходила России в 1993 году, когда мы жили гораздо хуже, чем сейчас? В настоящее время возникло много проблем как в Евросоюзе, так и в Америке. Политики дают обратный ход в решении различных вопросов. Процесс глобализации был ускорен искусственно. Западные страны, почувствовав первоначальные успехи нашей страны, решили обострить ситуацию — ввели войска в африканские страны. Это действие в стиле решений Н. С. Хрущева, который говорил, что в СССР коммунизм победит к 1980 году. На самом деле этого не произошло и был достигнут обратный эффект, «отпугнувший» людей и процессы. Более того, возникли такие организации, как ИГИЛ и другие, которые во многих странах свели на нет положительные результаты глобализации.

Китай действует более осторожно и добивается более серьезных успехов. США — великая страна, где

живет великий народ. Мы часто общаемся с представителями этой страны, но успехи китайцев, на мой взгляд, превалируют. Если посмотреть на ситуацию не в отдаленной перспективе, то Китай может занять первое место. Он уже по неторым вопросам для многих стран более удобный лидер, нежели США. Это произошло, потому что социально-рыночная экономика Китая учитывает предыдущий опыт. Китай, после того как произошел распад Советского Союза, сделал свои выводы, почему была разрушена такая серьезная система. Китайцы создали институт по изучению этих процессов и пришли к выводу, что основная причина была в руководстве СССР (возраст политиков тогдашнего времени был запредельным). Сейчас сроки пребывания у власти в Китае жестко ограничены. Они серьезно подошли к своим реформам.

В последнее время участились заявления либералов различного толка, что китайская экономическая реформа провалилась, не имеет положительного эффекта и что в конечном счете их ждет жесткая посадка. Но Китай сделал соответствующие выводы, потому что не первый раз сталкивается с подобными ситуациями. В Китае постоянно идут реформы. Правда, возможны и негативные последствия, о чем напомнил профессор А. С. Запесоцкий. В 1972 году Китай получил крупный иностранный кредит, именно тогда, как сказал Н. Н. Никулин, Америка «оторвала» Китай от России. Наверное, большой вклад, чем Америка, внес Н. С. Хрущев, который поссорился с Мао, что привело к охлаждению отношений. Китай не смог воспользоваться полученными деньгами. И партия приняла решение вернуть деньги китайским предпринимателям и завершить реформы. В 1978 году Китай возглавили более успешные люди, проводившие продуманную политику реформ и открытости, провозглашенную Дэн Сяопином. Они провели научно обоснованный экономический эксперимент и создали четыре свободные экономические зоны. Пример такой зоны — крупнейший финансовый центр Гонконг — жемчужина на побережье Южно-Китайского моря.

Дэн Сяопин в деревне Шэньчжэнь заложил новый город. Сейчас этот город известен во всем мире своими выставочными павильонами, которые функционируют круглогодично. И если мы сравним Гонконг и Шэньчжэнь, то сравнение будет не в пользу Гонконга. Гонконг воспринимается как дряхлеющий лев капитализма, а Шэньчжэнь — как молодой лев социализма.

Отвлечемся от европоцентристской модели организации мира. Мы все время стремились в Европу. Наше руководство и сейчас заявляет, что Россия исповедует европейские ценности, а если мы будем сближаться с Китаем, то «пожелтеем». Но вся Европа скоро «почернеет», потому что боится «пожелтеть»: там отмечается большой наплыв мигрантов (многие из них — террористы). Мы не можем верить представителям Запада, которые высказывались на панельных дискуссиях, что эти проблемы несерьезные.

При этом западные специалисты, публикующие свои работы в авторитетных журналах, например в «Financial Times», еще в прошлом году заявили, что Китай занял первое место по паритету покупательной

способности по национальному продукту. Экономист Джошуа Купер Рамо в своей книге употребляет термин «пекинский консенсус» в отношении модели экономического развития Китая в качестве альтернативы (особенно для развивающихся стран) «вашингтонскому консенсусу», ориентированному на рынок, который продвигается МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов США. Китайская модель развития базируется на принципах, во многом отличающихся от «вашингтонского консенсуса», — глобализация и организация современного общества с китайской спецификой. Видимо, на эту модель можно обратить внимание. Она основана, с одной стороны, на истории Китая, а с другой — на социалистическом опыте. Термин «пекинский консенсус» в отношении китайской экономической модели общепризнан. Нам нужно присмотреться к опыту восточного соседа, использовать не только западные образцы, но и китайский опыт, например в системе образования.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Виктору Васильевичу Зябрикову.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Я хотел бы затронуть одну частную проблему — налогообложение. Многие полагают, что в условиях экономических трудностей надо вводить те или иные изменения в налоговую систему. Попытаюсь подвести под эти возможные шаги некую стратегическую основу.

Рассмотрим четыре модели налогообложения:

— американская, которая реализована и в Японии, вероятно, в результате послевоенной оккупации Японии;

— южноевропейская (неэффективная). Если в стране удастся собирать только косвенные налоги, а с прямыми возникают затруднения, — это плохой признак. Пример — Греция;

— центральноевропейская: примерно одинаковое количество прямых и косвенных налогов и при этом умеренная налоговая нагрузка. Низкие налоги в России — это миф. На самом деле у нас большой теневой сегмент, а с легального оборота платят столько же, сколько в Германии и других развитых странах. Сегодня налоговая нагрузка составляет всего 35–36 %, включая страховые взносы, доли косвенных налогов, прямых налогов и социальных платежей примерно равны;

— скандинавская (кстати, эти страны прекрасно переживают нынешние кризисные времена). В Дании вообще парадоксальная ситуация — самые большие налоги и в то же время по всем данным самые счастливые в мире граждане. В Скандинавских странах налоги очень высокие, структура — примерно поровну прямых и косвенных.

Как изменились налоговые системы за последние 10 лет? Общая тенденция: возрастает доля косвенных налогов и в то же время везде наблюдается сокращение налоговой нагрузки.

Интересно посмотреть на постсоветские страны. Здесь прямые налоги успешно собираются только в странах с относительно высоким уровнем ВВП

на душу населения: России, Украине, Казахстане, Белоруссии. В странах, где заработная плата в среднем составляет 50–60 долларов в месяц, например в Кыргызстане, собрать прямые налоги невозможно, так как людям едва хватает на текущее потребление. Косвенные же налоги собираются в любом случае.

А можно ли вообще позволить себе пенсионную систему? Как выясняется, не очень. Дело в том, что наиболее вероятная величина собираемых налогов в высокоразвитых странах — 12 % от ВВП. То есть страховые и другие социальные платежи по отношению к ВВП чаще всего за пределами высоки. В большинстве же стран СНГ этот показатель не превышает 3 %. Это грустный факт, но он говорит о том, что приоритетная цель — экономическое развитие, размер ВВП на душу населения, и только после этого — социальная ответственность.

В России основная проблема не в том, что тот, кто платит налоги, платит их меньше, чем нужно (недомок почти нет), а в неучтенном сегменте экономики. По официальным данным, численность занятых неуклонно падает, то есть в экономике большой сегмент неучтенных работников, около 20 млн человек. Но чиновники все время говорят о повышении ставки страховых взносов на тех, кто их легально платит.

Как налоговая система влияет на российскую экономику? Среди юридических лиц 95 % — общества с ограниченной ответственностью. Товарищества не имеют налоговых льгот, собственники несут полную ответственность по долгам предприятий, поэтому такая форма собственности почти не регистрируется. Это негативная тенденция, связанная с жесткостью налоговой системы, которая тем не менее исправно выполняет свою фискальную функцию.

Как налоговая нагрузка влияет на размер платежей? Когда в начале 1990-х налоговое бремя было очень большим, поступления в бюджеты оказались фактически не связаны с налоговыми требованиями. Это уникальная ситуация: налоговая нагрузка растет, налоговые поступления падают. Тем не менее она соответствует теории налогообложения Лаффера. Но затем тенденция стала положительной — разумное снижение ставок привело к повышению собираемости налогов. Российскую налоговую систему 2007–2010 годов можно считать одной из лучших в мире. Благодаря ей мы благополучно пережили кризис 2009 года.

Напомню о реформах, которые коснулись двух налогов. 13-процентная ставка НДС, на мой взгляд, несправедливая, была введена в 2001 году, а до того у нас по закону была прогрессивная шкала налогообложения — от 12 до 35 %. После фиксации ставки налоговые поступления постепенно выросли.

Однако сегодня самая актуальная проблема в сфере налогообложения — страховые взносы. В 1992 году я работал финансовым директором предприятия и сам занимался уплатой налогов. Тогда ставка была 41,5 %, и это было привычно, никто не протестовал. Но проблема в том, что ставки без конца меняются, это порождает неуверенность и дестабилизацию. Повышение социальных взносов с 26 до 34 % не было научно обоснованным. Представьте себе малое предприятие:

вы платите 14 % по упрощенной системе налогообложения — и вдруг вам предлагают заплатить 34 % (!) Это не налоговая реформа, а настоящий террор. Нигде никогда никакой налог не повышался сразу на 20 процентных пунктов. К чему это привело?

Формально цели достигнуты: поступление налогов выросло, можно рапортовать о положительном результате реформы. Но дело в том, что сегодняшняя уровень был бы достигнут и без реформы — об этом свидетельствует экстраполяция кривой тренда. И каковы социальные последствия этих реформ? Не наполнение пенсионного фонда, а снижение заработной платы в целом по стране, потому что соотношение официальной и скрытой зарплаты снизилось на 3 процентных пункта, или на 8 % заработной платы. Так что, как видно, никаких последствий реформы, кроме негативных. Когда повысили взнос индивидуальным предпринимателям, их число сократилось на полмиллиона. Пятьсот тысяч предпринимателей либо «ушли в тень», либо прекратили свою деятельность. Таким образом, эксперименты с налогами надо проводить очень аккуратно и как можно реже.

Что касается упрощенной системы налогообложения, то здесь картина вполне оптимистическая. Там, где налоги взимаются разумно, мы видим рост. Сегодня 1600 тыс. малых предприятий пользуются этой системой, причем большая часть предприятий использует простейшую схему — 6 % от доходов. Это говорит о том, что Россия еще не созрела до налогообложения прибыли. Мы сталкиваемся с тем, что прибыль прячется, а вместе с налогооблагаемой прибылью скрывается и тот финансовый результат, ради которого и создается организация.

Что же надо делать? Прежде всего обращать внимание не на фискальную схему, которая у нас вполне исправно работает, а на развитие предпринимательской активности. И улучшать качество налогового администрирования. Если в 1990-е годы ежегодно проверялось 20 % предприятий, то есть каждое предприятие один раз в пять лет проходило полную налоговую проверку, то в 2011 году было проверено менее 1 % предпринимателей, то есть у вас есть шанс проверки один раз в 100 лет. Налоговики объясняют, что проводятся только целевые проверки, но на самом деле это бесконтрольность и они просто забросили свою работу.

Но завершить хочу на светлой ноте. По команде из Кремля в России начинается ужесточение налоговых проверок, особенно по НДС. Идет борьба с фирмами-однодневками, и положительные результаты уже есть. Главный источник поступления налогов в бюджет — сокращение теневого сегмента в экономике.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Следующий выступающий — Полетаев Эдуард Эдуардович.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — Мое выступление посвящено потенциалу развития Евразийского экономического союза в новых условиях. Казахстан сегодня проходит важный экзамен. Недавно в стране произошли волнения, но я надеюсь, что власть справится с подобными

вызовами. Технологии, которые применялись в Тунисе, Египте, Украине, Кыргызстане, добираются и до нас.

Между тем Казахстан, председательствующий в нынешнем году в Евразийском экономическом союзе, является важным экономическим партнером Российской Федерации, поэтому все происходящее у нас тем или иным образом отражается на России. Более того, глава нашего государства Нурсултан Абишевич Назарбаев выдвинул инициативу провести осенью саммит с участием стран Евразийского экономического союза и Европейского Союза. Если это мероприятие состоится, оно может иметь важные экономические последствия.

Евразийский экономический союз, созданный немногим более года назад, в настоящее время переживает спад деловой активности, и уже появились скептики, предсказывающие ему недолгую жизнь. Дело в том, что упали цены на энергоресурсы, и это сказалось как на доходах населения, так и на поступлениях в бюджеты государств. Из-за этого торговля между участниками ЕАЭС в прошлом году сократилась на 26 %, а общий объем экспорта из ЕАЭС — на 33,6 %. Показатели не очень хорошие, хотя изначально надежды на сотрудничество возлагались большие. Очевидно, что и санкции Запада, и сложности во взаимоотношениях России с Украиной, Турцией и другими странами также оказывают негативное влияние. Круг взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Европейским Союзом сузился, и надо искать выход из сложившейся ситуации. То, что предложил Нурсултан Назарбаев, может помочь в этих поисках.

Кроме того, психологическая атмосфера сегодня не самая благоприятная для подобной интеграции. Многие говорят, что очередная интеграционная инициатива на постсоветском пространстве будет бесполезной. Например, СНГ, который был образован в 1991 году, часто называют инструментом цивилизованного развода. Однако этот «инструмент» все еще существует и работает. Международную организацию создать нетрудно, гораздо сложнее отменить интеграцию. Поэтому хотелось бы, чтобы Евразийский экономический союз подкреплялся реальными действиями. ЕАЭС был создан в первую очередь в интересах простых людей. Хотя инициатива выдвигалась руководителями, те свободы, которые должен был предоставить Евразийский экономический союз, — свободу передвижения, трудоустройства и так далее, — важны для народа, надо добиваться, чтобы это действительно работало.

Каковы наши дальнейшие перспективы? Я убежден, что противостояние со временем сойдет на нет, и даже если формально санкции не будут отменены, то они не будут строго выполняться, потому что пустующие ниши заполняются бизнесом из третьих стран. Процессу интеграции в некоторой степени препятствуют информационные фантомы, но не надо забывать, что ЕАЭС все же очень мощная структура. Рассуждая о его перспективах, мы смотрим на опыт Евросоюза, но не все поддается сравнению, так как исходные данные сильно различаются. Когда создавался Европейский Союз, то первые 12 стран, которые в него вошли, находились примерно на одном уровне экономиче-

ского развития. В наших же краях экономический потенциал разных стран сильно различается, достаточно сравнить Кыргызстан, например, и Россию. Однако и у нас есть благоприятные условия для роста. Суммарный размер территории стран ЕАЭС — 15 % мировой территории, добыча газа составляет 22 % мировой добычи, добыча нефти — 14,6 %. Мы занимаем второе место по добыче минеральных удобрений — 14 %, третье место по производству электроэнергии — 9 % и т. д. Эти цифры свидетельствуют о том, что потенциал у нашего объединения есть и, значит, интеграция будет продолжаться.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Остановлюсь на некоторых проблемах, над которыми мы работали в течение трех дней. Первая — будущее экономической теории. Я обратил внимание на то, что практически все участники пытаются искать ответы на многие экономические вопросы в тех дисциплинах, которые находятся «где-то рядом» и не имеют непосредственного отношения к экономической теории. Это экономическая социология, поведенческая экономика, культурологическая экономика, о которой говорил профессор Клейнер. Академик Гринберг, по сути, тоже выходит за рамки экономической теории и говорит, что все экономические проблемы мы решим с помощью демократизации общества, призывая молодежь участвовать в выборах. Понятно, что это несколько упрощенный подход. Аскар Акаевич Акаев вспоминал академика Вернадского и говорил о ноосфере, о необходимости создания новой теории, которую он называет нооэкономикой. Много исследований связано с проблематикой, получившей название «концепция устойчивого развития». Но больше всего внимания было уделено теории конвергенции.

Если попытаться найти ответы на поставленные вопросы и определить перспективы экономической теории, то, на мой взгляд, нужно учитывать два достаточно важных и сложных момента. Во-первых, экономические законы действуют как тенденции. Это означает, что даже правильно выбранное экономическое направление может в какой-то период и в какой-то степени не работать или работать в другом направлении, что негативно отразится на результатах. И второй момент: в основе экономической политики, которую проводят государства, далеко не всегда лежат верные теории. На это вчера обратил наше внимание академик Глазьев. В частности, нынешний мейнстрим выполняет скорее апологетическую функцию, чем прагматическую. Надо отметить, что апологетическая функция всегда присуща общественным дисциплинам, в том числе и экономической теории. Достаточно вспомнить, как зарождался нынешний мейнстрим. Все помнят, какую роль сыграл меркантилизм, политика протекционизма в становлении капиталистических экономических отношений. Тот, кто проповедовал и развивал эти теории, в числе первых встал на путь капиталистического развития. И противоположный пример: в свое время Иван Грозный почему-то отдал всю внешнюю торговлю английскому эмиссару, что в значительной степени затормозило наше экономическое развитие, потом к английской диаспоре добавились голландская и ар-

мянская, и так продолжалось вплоть до царствования Петра I. Эти чужаки господствовали в русской внешней торговле, что, очевидно, не соответствует меркантилистским принципам.

А давайте вспомним, когда возникла классическая политическая экономия. В тот момент, когда английская промышленность стала самой мощной и конкурентоспособной, но меркантилистские идеи начали тормозить ее развитие. Тогда, в частности, появились знаменитые постулаты Адама Смита, которые легли в основу современного направления неоклассической теории, и знаменитая теория сравнительных преимуществ Давида Рикардо, про которую Пол Самуэльсон сказал, что если бы среди экономических теорий проводился конкурс красоты, то, безусловно, первый приз присудили бы именно этой, такая она стройная и красивая. Однако возникает вопрос: почему эта идеология сегодня снова господствует в мире, стала мейнстримом? Многие известные экономисты утверждают, что это произошло прежде всего под влиянием американских многонациональных компаний. Обладая колоссальной властью, они нуждаются в экономической свободе, а не в контроле и ограничениях. Надо сказать, что, провозглашая эти принципы, в своей внутренней экономической политике Соединенные Штаты Америки им не следуют. Утверждение, что американская экономическая модель самая либеральная в мире — неправда.

Прочитав одного из ведущих мировых экономистов: «Эти принципы предлагают относительно новый образ Соединенных Штатов, образ, полностью основанный на представлениях, пропагандировавшихся с начала 1980-х годов правыми политиками, отдельными учеными. Такой образ убедительно, даже ярко, был сформулирован президентом Рональдом Рейганом в его фразе о “волшебстве рынка”. Как дань устойчивому влиянию риторики Рейгана, такой образ США продолжает служить эталоном в политических и экономических дискуссиях в Европе даже спустя два десятка лет. Но у этого образа едва ли есть основания в амери-

канской реальности. Он непригоден в качестве руководства для достижения американских экономических показателей. Он не связан ни с историческими, ни с современными фактами американской жизни. Короче говоря, это фантазия».

Один из присутствующих здесь людей точно знает, чья это цитата. Автор Джеймс Гэлбрейт. Предложенная идеология была принята многими странами. Коллега Колодко писал, что нелиберальные идеи, навязанные США, сыграли сугубо негативную роль во многих восточноевропейских странах. Больше всех, считает он, пострадали Польша и Россия, которые внедряли нелиберальную концепцию «вашингтонского консенсуса». Это действительно так. И все же встает вопрос: экономическая теория — это наука или нет? Мы должны констатировать, что да, наука. Хотя действительность часто заставляет сомневаться в ее подлинности и объективности, важен другой момент. Получить представление о природе процессов, происходящих в экономике, с помощью экономической теории — можно и нужно. Но для этого, думаю, надо быть немного проще. В русском языке есть замечательное выражение «заводить рака за камень». В современной экономической теории мы часто этим и занимаемся, хотя экономический механизм предельно прост, взять хотя бы рыночную систему.

Может ли мировая экономика, как утверждают многие, прийти к единому знаменателю? Профессор Гэлбрейт считает, что это невозможно, как недостижимо равенство. Тем не менее человечество идет к этому. За всю историю человеческого общества создано всего четыре экономических системы: две абстрактные — капитализм в чистом виде и командная экономика, а также отмирающая традиционная экономика и ныне существующая смешанная экономика, которая, по сути, и есть конвергентная экономика с разными уровнями уклонов. Поэтому я считаю, что мировое развитие движется в этом направлении, в сторону конвергенции.